

ДИНАМИКА НАИМЕНОВАНИЙ СТАНЦИЙ СТОЛИЧНОГО МЕТРО В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

О.А. Сулейманова, В.В. Никитина

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

В статье рассматриваются принципы номинации станций метро в г. Москве в исторической перспективе и в связи с социально-политическим контекстом, в котором начиналось строительство метрополитена и станции получали названия, причем ряд станций переименовывался в связи со сменой именно исторических условий в стране. Материал исследования составили более 260 названий станций московского метро, которые были дополнены еще 31 названием станций метро БКЛ в конце 2022 г. Наименования анализировались с учетом нескольких параметров: строилась периодизация историко-социальных условий развития страны, на которую накладывались практики наименования. Исследование позволило выявить принципы номинации: географические – по названию топонимов, обозначающих ранее существовавшие поселения на месте строительства станции метро, или по объекту сложившейся городской структуры, например, парка, улицы или же организации, расположенной вблизи станции; номинации по значимым для страны историческим событиям или историческим личностям: героям войн, политикам, писателям; по значимым для страны сообществам, а также через упоминание национально значимых ценностей или репрезентирующих их социально значимых объектов. Рассмотрены также практики изменения названий в связи с изменением социально-исторических условий в стране и сопровождавшей их сменой национальных лидеров. Динамика изменений отражена в изначальном стремлении власти увековечить события и фигуры значимых участников этих событий, давших названия станциям метро; данная тенденция со временем уступает место географическому принципу номинации, что особенно ясно видно в практике именовании новых форматов общественного транспорта столицы – Большой кольцевой линии (БКЛ), станции которой, за небольшими исключениями, в основном получили названия по географическому принципу.

Ключевые слова: семиотика города, названия станций метро, принципы номинации, московское метро, властный дискурс, гибридные коды, коммеморация

Введение

Как только житель современного города выходит из дома, он вступает в диалог с урбанистическим пространством и оказывается под его интенсивным воздействием. Город использует в качестве своего властного ресурса различные каналы и средства воздействия, представляющие собой прежде всего текстовые послания, а также гибридные формы, сочетающие текстовые и визуальные, в ряде случаев и аудиальные каналы коммуникации. Это налагает определенные требования на транслируемые сообщения, поскольку послания, осуществляемые в большинстве случаев по официальным каналам, с необходимостью должны транслировать властные (в широком смысле) установки, которые хорошо согласуются с принятыми в данный момент существования общества социальными практиками.

Цель статьи

Цель настоящей статьи состоит в анализе движущих мотивов, которыми руководствуются властные структуры при выборе названий станций метро в столице. Авторы предпринимая попытку связать процесс номинации с широким внешним контекстом и сопутствующими политическими событиями.

Обзор литературы

Первые исследования городской информационной среды сосредоточились в основном на фиксации и сборе информации по лингвистическому кодированию городской среды, за которым последовал словообразовательный и этимологический анализ – «traditional focus on etymological and taxonomic concerns» [21, с. 455], и далее различные области лингвистического городского ландшафта [10, 11, 14, 18, 23–24], и только к концу XX века в связи с развитием дискурсивного подхода и междисциплинарных исследований происходит рот к анализу гибридных дискурсивных образований, с особым вниманием к гибриднему дискурсу и малоформатным текстовым формам, в том числе реализующим дискурс власти, в первую очередь в урбанистическом пространстве – «toward a critical interrogation of the politics of place naming» [21, с. 455]. Новые подходы основывались на новых принципах и опирались на семиотику, гию, анализируя гибридные коды малоформатных текстов, представленных в пространстве города и осуществляющих коммуникацию властных структур с гражданами. Урбанистический дискурс представлен в различных семиотических мах – в урбанонимах-названиях улиц, в том числе

уже и в переводческой перспективе [2, 3, 6, 7], системах транспортной навигации, различных указателях и вывесках, мемориальных досках – и выполняет различные функции: навигационную (например, название станции метро «Юго-Западная» выполняет главным образом навигационную функцию и основано на географическом принципе наименования), коммеморативную (например, через отсылку к исторической личности участника Отечественной войны 1812 г. – название «Багратионовская») или может сочетать их в различных комбинациях. Рассматриваемый в данной работе дискурс, как представляется и как будет показано ниже, реализует в первую очередь именно коммеморативную функцию, о чем, в частности, свидетельствуют смены названий станций московского метро, определяемые именно сменой социополитического ландшафта, что, в свою очередь, позволяет трактовать данный вид урбанистического дискурса наряду с прочими разновидностями текстов города как властный дискурс.

В этом смысле именно данный вид вербального взаимодействия «город – житель» отражает динамику развития городской среды и в целом национально-культурную перспективу, сочетая сложившиеся лингвокультурные практики с вектором национального развития, и это создает особую семиотику города.

Отметим, что принципы номинации представляют собой широкое поле для исследований, в данной работе мы ограничимся лингвокультурным аспектом проблемы и попытаемся установить связь между политическими устремлениями элиты и практиками номинации. В связи с этим проследим символические точки в истории страны, которые выбираются властью в стремлении установить и поддержать связь поколений и «транслировать символическое в текстовое» / «to tame the special into the textual» [17, с. 54] (перевод наш – *О.С., В.Н.*), а также попытаемся найти объяснение «множественности именованных мест» / «bewildering multiplicity of place names» [21, с. 455] (перевод наш – *О.С., В.Н.*).

При этом, несмотря на то, что дискурс города неизменно проникает во все области жизни жителей, он попадает в исследовательское поле интересов лингвистики относительно недавно [15, с. 712]. Так, исследуется топонимический ландшафт города, представленный в названиях улиц, и их транслитерации на латиницу [4, 8, 22]; предлагается выделять несколько информационно-топонимических уровней в городском урбанистическом пространстве [5, 21]: обозначения территорий, коннекторов, достопримечательностей, социальных объектов и жилых массивов. Авторы существующих исследований анализируют происхождение и перевод данных названий, однако не затрагивают дискурс транспорта; исследуется коммеморативная направленность урбанистического дискурса [12, 13], в том числе отражение памяти о

войне [16]; влияние компьютерных репрезентаций урбанистического пространства на изменение самого пространства [20]; дискурс, представленный в памятных досках в городском пространстве г. Москвы [1, 9].

Современный этап топонимических исследований отличает смещение фокуса с преимущественно этимологически-ориентированных задач на анализ топонимики в широком культурно-политическом контексте и в увязывании топонимов с властным дискурсом – «reconnect place-name analysis to the study of power» [19]. Иными словами, наименования рассматриваются как инструмент продвижения идей и формирования заданного их восприятия реципиентами, что привело к повороту от традиционных подходов в анализе топонимического ландшафта к критическому анализу урбанистических топонимических практик – «urban toponymic practices and the politics of commemoration» [21, с. 456], причем связанных с культурным контекстом и властными функциями: «Упор начинает делаться не столько на само название, сколько на культурные практики именования – т. е. на то, как именно люди стремятся контролировать, обсуждать и спорить о процессе именования, по мере того как они все шире начинают заниматься отстаиванием обоснованности выбора наименования и соблюдением критерия визуальности» / «the emphasis has been placed not so much on the name itself but rather on the cultural politics of naming – that is, how people seek to control, negotiate, and contest the naming process as they engage in wider struggles for legitimacy and visibility» [21, с. 457] (перевод наш – *О.С., В.Н.*). Начинает осознаться имиджевая функция топонимов, они интерпретируются как инструмент, формирующий национальную идентичность. Как отмечает И. Вилан, называние неизбежно связано с «опространствением памяти и власти, делая осязаемым особый национально значимый нарратив и тем самым возводя, казалось бы, случайные истории в уже очищенные, конкретные мифы, которые закрепляют проекцию национальной идентичности на физическое пространство» / «place-naming inevitably relates to “spatialization of memory and power, making tangible specific narratives of nationhood and reducing otherwise fluid histories into sanitized, concretized myths that anchor the projection of national identity onto physical territories”» [24, с. 62] (перевод наш – *О.С., В.Н.*).

Иными словами, пройдя путь от каталогизации и накопления данных и далее к этимологическим интерпретациям и словообразовательным исследованиям, урбанистика получает дискурсивную интерпретацию, обретает связь с реальным миром и начинает рассматриваться как властный ресурс.

Таким образом, принципы номинации станций метро – а житель города видит и слышит на-

звания станций метро каждый день по пути на работу и с работы – нуждаются в специальном исследовании, что и делает предпринятое исследование актуальным.

Методы исследования

Современная система метро г. Москвы представляет собой сложное образование из четырех систем: собственно метро (более 230 станций), МЦК (Московское центральное кольцо, начало строительства – 2016 г.), МЦД (Московский центральный диаметр) и БКЛ (Большая кольцевая линия – в стадии завершения последние 9 станций, всего – 31).

Эмпирические данные составили названия станций метро г. Москвы и новой БКЛ. Данные названия анализировались согласно двум параметрам, а именно: с одной стороны, учитывалась дата открытия станции, что позволяло выявить социально-политические условия в стране на момент открытия станции, безусловно, повлиявшие на выбор названия в столичном метро; во-вторых, определялись семантика названия и принцип номинации. Согласно временному параметру в работе выделены следующие четыре периода, соответствующие основным этапам развития страны: с 1935 г. (с момента открытия первой станции метро) до конца войны (военный период, несмотря на его социальную маркированность, не выделялся отдельно, поскольку в это время по понятным причинам строительство метро практически остановилось); затем последовал период восстановления экономики страны, продлившийся (условно) до 1960-х гг.; далее можно выделить период, обозначаемый как стагнация, или застой, сменившийся перестройкой в 1990-е гг.; и, наконец, период 2000-х гг.

Названия станций анализировались согласно следующим параметрам:

– названия по именам выдающихся исторических деятелей, политических фигур, деятелей искусства: «Маяковская», «Жутовская», «Дзержинская»;

– «вторичные» номинации, т. е. названия по улицам, площадям, бульварам и прочим городским топонимическим классификаторам, которые исходно именовались по именам политических и культурных деятелей и позже отразились в названиях станций метро: например, «Улица Академика Королева», «Улица Академика Янгеля»;

– географический принцип, в рамках которого выделяются несколько разновидностей, например, по историческому названию местности: «Нахабино», «Ясенево», и в этом смысле используются коммеморативные стратегии, сохраняя память о прошлом в сознании жителей города (отметим, что в таких случаях часто имеет место также «вторичная» номинация, поскольку название станции транслирует и название района / города) (см. ниже);

– номинация по объектам, олицетворяющим индустриальный и социальный прогресс общества: «Динамо», «Аэропорт», «Автозаводская»;

– наименования, осуществляющие референцию к значимым в данный период развития общества социальным группам, на которые ориентировались властные структуры: «Пионерская», «Комсомольская».

Результаты и дискуссия

Динамика развития системы номинации станций метро отражает динамику социокультурного и политического развития общества.

В течение первого из описываемых периодов после открытия первых двенадцати станций метро в 1935 г., еще одной станции в 1937 г. и семи – в 1938 г., затем двух станций в январе и декабре 1943 г. и двух станций в 1944 г. всего было сдано 24 станции. (Названия станций представлены здесь и далее в следующем формате: сначала приводится исходное название, в скобках предлагается результат переименования станции, например: «Завод имени Сталина» (с 1956 г. «Автозаводская»), «Улица Коминтерна» (с 1946 г. «Калининская») и с 1990 г. «Александровский сад».)

Большинство станций получили названия по именам политических фигур: Киров, Каганович, Свердлов, Сталин, Бауман, Дзержинский, причем в ряде случаев – в результате «вторичной номинации» композитами: «Библиотека имени Ленина», «Завод имени Сталина» (10 номинаций);

– по именам деятелей культуры: поэт В.В. Маяковский – станция метро «Маяковская»; композит вторичной номинации – «Парк культуры имени Горького» (2 номинации);

– номинации по политически значимым организациям и сооружениям: Коминтерн, Дворец Советов (несостоявшийся, как известно, проект монументального сооружения);

– номинации, символизирующие технологический прогресс нового государства: Аэропорт, стадион «Динамо», а также жилой массив «Сокол» как символ новых принципов организации жилых массивов;

– номинации, сохраняющие память о бывших поселениях в сознании жителей: Арбат, Красносельская (от Красное Село), Красные Ворота, Сокольники.

В этот же период появляются названия станций метро, играющие отчетливо навигационную и в меньшей степени коммеморативную роль, – это названия, совпадающие с названиями московских вокзалов: «Киевская», «Белорусская», «Курская», «Павелецкая» (г. Павелец Рязанской области). При этом не вполне ясной остается номинация «Смоленская».

В данный период развития страны правительство рассматривало столичное метро в качестве символа «новой счастливой жизни», что отражалось при этом и в строительстве специальных па-

виллонов-входов в метро, элегантно вписавшихся в городской архитектурный ландшафт (например, вход на станции «Красные Ворота», «Сокол», «Чистые Пруды»); в декоре станций, где изображались яркие сцены жизни в постреволюционном обществе как обещания новой счастливой жизни советского народа; изображения поддерживались и архитектурным декором: в залах метро появляются эффектные мраморные колонны, мозаичные панно, статуи (например, известные скульптуры на станции метро «Площадь Революции», представляющие основные революционные группы; эти фигуры окружены мистической верой в то, что прикосновение к определенным их фрагментам приносит удачу, – от частых потираний некоторые элементы фигур утратили свой оригинальный темный цвет; при этом данная практика не прекратилась и в период самых жестких ограничений в связи с COVID-19! Ср. также выразительные барельефы на станции «Партизанская»).

Позже 15 станций московского метро получили статус объектов культурного наследия, и в настоящее время правительство Москвы рассматривает план придать статус памятников федерального наследия всем станциям кольцевого маршрута¹.

Подчеркнем, что именно в этот период возникла традиция именовать станции по названиям городских улиц: появляются станции «Площадь Свердлова» («Охотный ряд»), «Площадь Революции», что проявляет отчетливый навигационный функционал наряду с коммеморативной функцией.

Отслеживание практик номинации станций за описываемый период свидетельствует о том, что новое государство системно продвигало новую тенденцию, увязывая технологический прогресс и инновационные проекты с новой революционной идеологией. Вместе с тем отчетливо прослеживаются связь с историей страны и стремление властных структур сохранить традиционную географическую матрицу, разделяемую населением, – использование в качестве основы названий бывших деревень и поселений.

В этом смысле можно говорить об урбанистическом дискурсе, в частности о дискурсе московского метро, как о своего рода «мягкой силе», которая позволяет продвигать новую идеологическую матрицу и при этом демонстрировать ее преимущество.

В послевоенный период (с 1946 г. условно до 1960-х гг.) в московском метро строится еще 50 станций, причем происходят некоторые изменения

¹ Приказ Департамента культурного наследия города Москвы от 28 декабря 2017 г. № 1110 «О включении выявленного объекта культурного наследия «Станция Московского метрополитена» <...> в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации <...>». URL: <https://www.mos.ru/dkn/documents/view/210990220/> (дата обращения: 16.11.2022).

в принципах номинации, а именно: в коммеморативном формате отчетливо проявляется военная тема, представленная как воспоминаниями о войне («Партизанская»), так и подчеркивается стремление страны к миру (станция «Мир», позже переименованная в «Щербаковскую» и далее в «Алексеевскую», а также кольцевая станция «Перспект Мира»). В названиях ряда станций упоминаются военачальники Отечественной войны 1812 г.: «Багратионовская», «Кутузовская» (всего 5 названий).

По-прежнему в названиях станций представлены имена революционеров и партийных деятелей: «Ждановская», позже переименованная по географическому принципу в «Выхино» в связи с изменившимися социально-политическими установками и устранением упоминания имени А.А. Жданова из отечественной коммеморации (в том числе и из названия Ленинградского университета, утратившего указание «им. А.А. Жданова»), «Войковская». Появляются референции в целом к революционному прошлому страны в номинациях «Краснопресненская», «Первомайская» и «Октябрьская» (всего 7 станций).

Активнее начинают использоваться – в связи с расширением территории Москвы – отсылки к бывшим поселениям, т. е. станции номинируются по географическому принципу: «Фили», «Кунцевская»; появляются станции, обозначающие направления к городам страны: «Калужская», «Рижская», а также вторичные номинации по объектам городской структуры: «Волгоградский проспект». Географический принцип отражен и в названиях станций-близнецов типа «Белорусская», в наименовании станций по сторонам света – «Юго-Западная». В таком случае отчетливо прослеживается навигационный принцип, что при отсутствии современных навигационных систем позволяло проще ориентироваться в городе. (Напротив, именно появление и свободный доступ к современным навигационным системам, как представляется, способствовали распространению систем номинации, не «привязанных» к навигации, – см. ниже анализ последних названий станций метро г. Москвы и МЦК.)

Появляются названия станций, апеллирующие к основным производительным силам и значимым социальным группам: «Молодежная», «Комсомольская», «Пионерская», «Пролетарская», «Профсоюзная», «Академическая».

Послевоенный индустриальный прогресс также отражен в мотивирующих названиях, таких как «Водный стадион», «Речной вокзал» (как отражение амбициозного проекта водного канала, соединяющего пять морей, откуда и пошла фраза «Москва – порт пяти морей»), «ВДНХ».

Таким образом, динамика в принципах номинации определяется рядом социально значимых событий: последствиями войны, опорой на новые

созидательные силы, при сохранении коммеморативных тенденций и географических принципов номинации.

В период 1980–1990-х гг. появляется 37 новых станций, названия которых маркируют господство географического принципа, использованного в 24 случаях: топонимы поселений («Отрадное», «Орехово», «Дубровка»), отражение городских топонимов-урбанонимов, в том числе во вторичной номинации («Цветной бульвар», «Нахимовская» – по Нахимовскому бульвару); названия «Римская» и «Пражская» представляют собой дружеский жест в сторону европейских партнеров, а также отмечается четыре географических дестинации («Дмитровская», «Севастопольская» и др.).

В этот период появляется по понятным причинам всего четыре названия по именам писателей («Достоевская», «Чеховская» и др.), а также по имени ученого («Менделеевская») и по имени героя-летчика («Чкаловская», причем последняя названа по принципу вторичной номинации от урбанонима «улица Чкаловская»). Три остальных названия также косвенно связаны с городскими объектами: «Достоевская» расположена вблизи места проживания Ф.М. Достоевского в детстве; «Менделеевская», вероятно, получила название от расположенного рядом Института им. Д.И. Менделеева. В этом случае имеет место и вторичная номинация. Сходный принцип применим и к названию «Третьяковская» (данное название в сознании жителей и гостей города, безусловно, связано с расположением Третьяковской галереи и служит прежде всего навигационным целям). Название «Южная» дополняет кластер названий по сторонам света наряду с «Юго-Западной».

Таким образом, в описываемый период начинает доминировать географический принцип на фоне слабой отсылки к известным фигурам и к масштабным индустриальным проектам (каковых в этот период заявлено не было), а также к ведущим социальным силам.

Период с 2000 по 2022 гг. отличает бурное развитие городской транспортной системы, что получает выражение в строительстве новых станций метро, появлении системы МЦК (Московское центральное кольцо), БКЛ (Большая кольцевая линия, 31 станция) и МЦД (Московский центральный диаметр). Системы МЦК и МЦД по сути представляют структуры железнодорожного типа, их работа регулируется ведомством РЖД, и в данном исследовании они затрагиваться не будут. БКЛ, включающая 31 станцию, является частью московского метро, и на ее примере отчетливо прослеживается динамика номинации станций метрополитена.

Статистика этого периода такова: 30 станций «основного» метро из 80 (т. е. 24 %) названы по географическому принципу – например, по территориальным топонимам, продолжая тенденцию к сохранению в национальном сознании историче-

ских названий. По-прежнему отмечается тенденция именовать станции метро через установление связи с близлежащим городским территориальным объектом – например, «Сретенский бульвар», «Славянский проспект», продолжая навигационный принцип. Отметим при этом, что сама улица, проспект могут быть названы в честь известного исторического лица, и таких названий уже 8 (что составило на 2021 г. 8 % новых наименований): «Улица Горчакова», «Улица Дмитриевского», «Улица Академика Янгеля», «Мичуринский проспект», «Лермонтовский проспект», «Ломоносовский проспект».

Номинации по известным персоналиям содержат отсылку к писателю («Фонвизинская»), ученому («Тимирязевская»), военачальнику («Генерала Скобелева», «Спартакoвская»). Появляется также станция «Стахановская», отсылающая к известному своими достижениями шахтеру 1930-х гг. Алексею Стаханову. Упомянуты в названиях станций три парка, в числе которых коммеморативное название «Парк Победы».

Единичные названия также вписываются в сложившиеся практики – например, обозначение сторон света в названии «Юго-Восточная»; референция к революционному прошлому в названии (по принципу вторичной номинации) «Коммунарка»; два названия указывают на столицы бывших советских республик – членов СНГ: «Минская» и «Алма-Атинская» (топоним Алма-Ата сохранился в названии станции московского метро, тогда как исчез с карты Казахстана); три станции получают названия по именам городов: «Нижегородская», «Волоколамская» и др., две – по именам водных топонимов: «Окская» и «Селигерская».

Таким образом, в рассматриваемый период номинационные решения принимаются в значительной степени по традиционному географическому принципу, хотя также сохраняются и иные принципы.

Рассмотрим стратегии наименования новых линий метро, а именно станций БКЛ (Большой кольцевой линии), строительство которой завершается в настоящее время. Она включает 31 станцию, в основе наименований которых представлен главным образом географический принцип. 13 станций сопряжены с уже существующими станциями и имеют «старые» названия (например, «Сокольники», «Текстильщики», «Кунцевская», «Электrozаводская» и др.), названия четырех станций, сопряженных с МЦК, сохранили названия МЦК («Шелепиха», «Деловой центр» и др.), тогда как 11 станций получили новые названия строго по географическому принципу по историческому названию местности («Зюзино» – имение В.И. Зюзина, соратника Ивана Грозного; «Давыдково», «Терехово», «Мневники», «Лефортово», «Воронцовская» – усадьба Воронцово и др.); часть станций названы по принципу вторичной географической номинации («Петровский парк», «Кле-

Лингвосемиозис топонимов

новый бульвар», «Новаторская» – улица Новаторов; «Нагатинский затон»), две отсылают к значимым объектам: стадиону ЦСКА и Народному ополчению (как явлению, при этом в названии не упоминается классификатор проспект, хотя здесь также соблюдается навигационный географический принцип, поскольку станция расположена в районе проспекта Народного ополчения).

Таким образом, около 40 % названий выбраны по географическому принципу, чуть больше станций названы по «старым» именам, и всего 2 названия либо коммеморативны, либо отсылают к известному объекту. Можно констатировать поворот к локальному топонимическому принципу.

Начиная с 2013 года коммуникативное городское пространство Москвы развивается в цифровом формате, что позволяет администрации города оперативно взаимодействовать с москвичами. Модернизация города реализуется с помощью Портала открытых данных Правительства Москвы (data.mos.ru), на площадке которого опубликовано более тысячи тематических справочников, информирующих москвичей о двух миллионах объектов городской инфраструктуры: учреждений образования, спорта, здравоохранения, ключевых культурных и досуговых мест. Актуальные вопросы города регулярно выносятся на обсуждение активных граждан г. Москвы, и жители могут вносить свои предложения и комментарии, оперативно информировать администрацию о текущих проблемах округа и т. д. Ниже представлен алгоритм голосования по вопросу о необходимости Большой кольцевой линии метро (см. рисунок). В голосовании приняло участие более двух миллионов человек, фиксировались и ответы поддерживающих проект, и тех, кто против. На основании голосования принималось решение о целесообразности инициативного проекта.

Голосования по названиям станций также определяют конечное решение: например, «Нагатинский затон» предлагалось назвать по инициативе жителей станцией «Корабельной», однако в итоге было принято название «Нагатинский затон» – как видно из названия, по географическому признаку.

Топонимическая «чистка» (*toponymic cleansing*)

Значимость языкового оформления урбанистического пространства и понимание этой значи-

мости власть предержащими получает отражение в достаточно распространенной мировой практике переименований, так называемой «топонимической чистке» (*toponymic cleansing*) [1, с. 460]. Данное явление особенно распространено в тех системах, где имеет место некий разрыв постепенности, при смене политических режимов и при социальных потрясениях, повлекших за собой смену элит, оно отражает стремление властных структур транслировать продвигаемые ими ценностные ориентиры. Переименование – это реформативное (*renaming is reshaping*).

В московском метро переименованию подверглись 25 из 234 (на 2021 г.) станций, или 11 % (здесь учтены также неоднократные переименования), причем основные переименования затрагивали исключение имен политических фигур после их отстранения от власти, когда новые элиты начинали насаждать свои новые устремления, стирая память о событиях прошлого и связанных с ними политических деятелях. Устранены три упоминания И.В. Сталина, В.И. Ленина: станция «Ленино» переименована в «Царицыно», «Ленинские Горы» – в «Воробьевы Горы», при этом название «Библиотека имени Ленина» пережило смену номинаций, даже несмотря на то, что сама библиотека исключила имя В.И. Ленина из своего названия. Из системы метро убираются упоминания революционеров С.М. Кирова, Я.М. Свердлова, Ф.Э. Дзержинского, В.П. Ногина и других (всего 9 имен), и даже имя М. Горького (по всей видимости, по мнению властей, слишком «лояльного» к прежней власти) в двух случаях исчезает с карты московского метро. Иными словами, ассоциированные с советским прошлым политические фигуры, по мнению власти, утрачивают значимость для настоящего, равно как и названия «Коминтерн», «Колхозная», «Дворец Советов». По необъяснимой причине сохраняется, однако, номинация «Лубянка» (исходно – по названию улицы), несмотря на стойкие ассоциации в обществе с осуждаемыми практиками репрессий. Меняются названия «Октябрьская» (связанное с Великой Октябрьской социалистической революцией) и «Кропоткинская» (упоминание П. Кропоткина), новые названия следуют в основном географическому принципу – от названий бывших деревень: «Царицыно», «Измайлово», «Выхино»; по известным

The screenshot shows the 'Активный гражданин' (Active Citizen) portal interface. At the top, it says 'ПОРТАЛ ОТКРЫТЫХ ДАННЫХ' (Open Data Portal) and 'Правительства Москвы' (Moscow Government). There are navigation buttons for 'ДАННЫЕ' (Data), 'ЕЩЕ' (More), 'СТАНДАРТЫ' (Standards), and 'Разработчикам' (For Developers). The main content area displays 'Результаты голосований в проекте «Активный гражданин»' (Poll results in the 'Active Citizen' project). It shows 'Просмотров: 85099' (Views: 85099), 'Скачиваний: 1280' (Downloads: 1280), and 'Оценка полезности: 3.6' (Usefulness rating: 3.6). Below this, there is a table with columns for '#', 'Название голосования' (Poll name), and 'Фильтры' (Filters). The first row in the table shows: '1 Результаты голосования: Большая кольцевая линия метро — нужно ли Москве еще одно кольцо?' (1 Poll results: Large Ring Line Metro — do we need another ring in Moscow?).

Голосование на портале «Активный гражданин»

культурным достопримечательностям: «Китай-город», «Охотный ряд», «Автозаводская», «Театральная».

Подобные переименования происходили главным образом в эпохи перемен, и большинство изменений связано с периодами правления Н.С. Хрущева и Б.Н. Ельцина.

Практики переименования отражают то, как именно официальная история и идеология определяют культурный ландшафт общества, влияя на каждодневный опыт восприятия жителей в общественном транспорте, на улицах города особенно в условиях, когда «все используют названия улиц (перевод наш – *О.С., В.Н.*) и едва ли обращают внимание на их специфически историческую значимость и на тот факт, что они представляют структуры власти» / «everybody uses them [street names] but hardly anyone pays attention to their specific historical meaning and to the fact that they belong to the structures of power» [25, с. 321] (перевод наш – *О.С., В.Н.*).

Заключение

Роль урбанистического дискурса в формировании коллективного социального сознания и ценностной картины мира в настоящее время только начинает активно анализироваться. Этот вид дискурса в формате различных жанровых разновидностей обладает особой значимостью, поскольку окружает индивида в повседневной жизни и потому оказывает на него неосознаваемое и сильное воздействие, которое нельзя недооценивать. Это объясняет, почему академическое сообщество обращает внимание на анализ различных информационных каналов, которые окружают жителя города в течение всего дня, стремится выявить, как работают эти каналы, насколько они эффективны, какие сообщения они транслируют и как формируют наше сознание.

Авторы сосредоточили внимание на анализе одного из информационных каналов, который представлен в метро г. Москвы, а именно на принципах номинации станций как отражении национального политического сюжета. Исследование показало, что названия станций метро неизменно резонируют с изменениями в репрезентации каждого из периодов политической истории страны, и именно через названия власть предержащие стараются сохранять связь с прошлым или тем его сегментом, который согласуется с господствующей идеологией и способствует ее продвижению.

Наименование станций начиналось с аллюзий к именам революционеров и прочих известных личностей, запечатления достижений нового

режима, затем отражало победу страны в Великой Отечественной войне, далее происходило обращение к новым, молодым силам как опоре изменившейся социально-политической реальности. Далее входит в практику прежде не самый продуктивный географический принцип номинации, обеспечивающий связь с топонимами-названиями поселений, с обозначением направлений в иные страны и города, а также – в результате вторичных номинаций – с обращением к названиям улиц. С течением времени именно географический принцип номинации начинает преобладать. При этом 11 % названий, содержащих упоминания политических и околополитических фигур, подвергаются топонимической чистке, отражая изменения в социально-политическом видении перспектив развития страны.

Историческая преемственность получает отражение в использовании имен известных исторических личностей: политических деятелей, ученых (гораздо реже) и писателей (также редко), решающих событий и названий поселений. Это означает, что для города важно национально-культурное наследие, которое и транслируется через все имеющиеся доступные информационные ресурсы, включая урбанистический дискурс.

Перспективу исследования может составить анализ словообразовательных моделей, лежащих в основе формирования новых номинаций: так, в основе метронима «Коньково» лежит совпадающее с ним наименование бывшего поселения Коньково, тогда как в основе названия станции «Шаболовская», являющегося по форме прилагательным, лежит существительное-топоним Шаболовка. Однако при всей актуальности такого исследования оно не представляется настолько же соотносимым с культурно-историческими и социальными практиками нации и – что более значимо – не транслирует коммеморативные установки жителям города.

В целом, несмотря на отчетливо выраженную прагматическую функцию номинаций по интеграции метро в общую систему городской навигационной системы, московское метро, по всей видимости, было задумано как эффективное средство продвижения коллективной исторической памяти и национальной идентичности. В настоящее время начинает анализироваться тот властный потенциал, который несет топонимическая практика для неосознаваемого воздействия на жителя, несмотря на то, что последний не всегда осознает связь топонимики с историческим развитием нации и осуществляемым на него властным воздействием.

Литература

1. Беседина, Е.А. Модели интерпретации событий в текстах российских мемориальных досок XX – начала XXI в (междисциплинарный анализ) / Е.А. Беседина, Т.В. Буркова, А.Н. Мичурин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 2. – С. 77–85. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-2-77-85. – <http://vcl.ralk.info/issues/2020/vypusk-2-2020/modeli-interpretatsii-sobytiy-v-tekstakh-rossiyskikh-memorialnykh-dosok-khkh-nachala-xxi-v-mezhdists.html>. (дата обращения: 16.11.2022).

2. Вишневецкая, Е.М. Толкование и передача национальных черт языка в условиях контакта культур / Е.М. Вишневецкая, Э.В. Нерсесова, И.В. Зоц // *Филология: научные исследования*. – 2018. – № 3. – С. 146–155. DOI: 10.7256/2454-0749.2018.3.27282. – https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27282 (дата обращения: 20.10.2022).
3. Зоц, И.В. Московские урбанонимы в переводческой перспективе / И.В. Зоц // *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. – 2017. – № 2 (26). – С. 121–126. – <https://vestnik-filologiya-lingvodidaktika.mgpu.ru/2021/09/02/moskovskie-urbanonimy-v-perevodcheskoj-perspektive/.pdf> (дата обращения: 20.10.2022).
4. Карданова, К.С. Медiatekst и опосредованное закрепление образов общественного сознания (на примере образа ИМПЕРИЯ/EMPIRE) / К.С. Карданова, А.Г. Сонин // *Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты*. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2006. – С. 111–118. – <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatekst-i-oposredovannoe-zakreplenie-obrazov-obschestvennogo-soznaniya-na-primere-obraza-imperiya-empire> (дата обращения: 20.10.2022).
5. Питина, С.А. Городской ономастикон в художественном тексте и кинодискурсе / С.А. Питина, Г.В. Урванцев // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2018. – № 1 (54). – С. 17–23. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-1-17-23
6. Разливинская, Н.А. Коммеморативные практики в дискурсивном пространстве города: историко-политический аспект / Н.А. Разливинская, И.В. Тивьяева // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. – 2021. – № 4. – С. 104–113. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-4-104-113
7. Сулейманова, О.А. Проблемные «зоны» современной урбанистики в глобальном пространстве: транслитерация урбанонимов / О.А. Сулейманова, И.В. Зоц // *Вопросы ономастики*. – 2019. – Т. 16, № 4. – С. 134–150. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.4.049
8. Сулейманова, О.А. Контрастивный анализ русских и английских «периферийных» синтаксических структур в переводческой перспективе / О.А. Сулейманова, К.С. Карданова-Бирюкова // *Русистика и компаративистика*. – М., 2021. – Вып. XV. – С. 297–315. DOI: 10.25688/2619-0656.2021.15.17
9. Тивьяева, И.В. Мнемический нарратив в когнитивно-коммуникативной перспективе / И.В. Тивьяева // *Русистика и компаративистика*. – М., 2020. – Вып. XIV. – С. 145–163. DOI: 10.25688/2619-0656.2020.14.10
10. Тивьяева, И.В. Структурная организация мнемического нарратива / И.В. Тивьяева // *Сибирский филологический журнал*. – 2020. – № 1. – С. 303–315. DOI: 10.17223/18137083/70/24
11. Azaryahu, M. The Power of Commemorative Street Names / M. Azaryahu // *Environment and Planning D: Society and Space*. – 1996. – Vol. 14 (3). – P. 311–330. DOI: 10.1068/d140311
12. Cauchi-Santoro, R. Mapping community identity: Safeguarding the memories of a city's downtown core / R. Cauchi-Santoro // *City, Culture and Society*. – 2016. – Vol. 7 (1). – P. 43–54. DOI: 10.1016/j.ccs.2015.12.003
13. Drozdzewski, D. Geographies of memory, place and identity: Intersections in remembering war and conflict / D. Drozdzewski, S. De Nardi, E. Waterton // *Geography Compass*. – 2016. – Vol. 10 (11). – P. 447–456. DOI: 10.1111/gec3.12296
14. Fraszczyk, A. Metro station naming strategies in selected megacities and lessons for new metro systems / A. Fraszczyk, W. Weerawat, P. Kirawanich // *Transportation Research Procedia*. – 2020. – Vol. 48. – P. 2608–2620. DOI: 10.1016/j.trpro.2020.08.250
15. Goodchild, M. GIScience, geography, form, and process / M. Goodchild // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2004. – Vol. 94. – P. 709–714. DOI: 10.1111/j.1467-8306.2004.00424.x
16. Lewicka, M. Place attachment, place identity, and place memory: Restoring the forgotten city past / M. Lewicka // *Journal of Environmental Psychology*. – 2008. – Vol. 28 (3). – P. 209–231. DOI: 10.1016/j.jenvp.2008.02.001
17. Massey, D. *For Space* / D. Massey. – London: Sage, 2005. DOI: 10.4135/9781473919907.n15
18. Monmonier, M. *From Squaw Tit to Whorehouse Meadows: How Maps Name, Claim, and Inflamm* / M. Monmonier. – Chicago: University of Chicago Press, 2006. DOI: [10.7208/chicago/9780226534640.001.0001](https://doi.org/10.7208/chicago/9780226534640.001.0001)
19. Myers, G. Naming and Placing the Other: Power and the Urban Landscape in Zanzibar / Myers G. // *Tijdschrift Voor Economische en Sociale Geografie*. – 1996. – Vol. 87. – P. 237–246. DOI: 10.1111/j.1467-9663.1998.tb01553.X
20. Ringas, D. Collective city memory: Field experience on the effect of urban computing on community / D. Ringas, E. Christopoulou // *C&T'13: Proceedings of the 6th International Conference on Communities and Technologies*. – 2013. – P. 157–165. DOI: 10.1145/2482991.2482996
21. Rose-Redwood, R. Geographies of Toponymic Inscription: New Directions in Critical Place-Name Studies / R. Rose-Redwood, D. Alderman, M. Azaryahu // *Progress in Human Geography*. – 2009. – Vol. 34 (4). – P. 453–470. DOI: 10.1177/0309132509351042

22. Suleimanova, O. 3T in Linguistic Navigation Through Megapolis – Translation, Transcription, Transliteration / O. Suleimanova, D. Kholodova // *Translata* 2014. – Innsbruck: University of Innsbruck, 2014. – P. 217–222. Available at: <http://aux.uibk.ac.at/c61349/en> (дата обращения: 20.10.2022).

23. Tivyaeva I. Memorial Plaques in Multimodal Urban Discourse: A Visual Narrative Reflecting Moscow's Glorious Past. *Visual Anthropology*. 2023;36(1). <https://doi.org/10.1080/08949468.2023.2168960>.

24. Whelan Y. Mapping Meanings in the Cultural Landscape. *Senses of Place: Senses of Time*. Eds. of Ashworth G., Graham B. Aldershot: Ashgate Publishing; 2005:61–71. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Mapping-Meanings-in-the-Cultural-Landscape-Whelan/5245536a678175af4a1fd157c88500de90ccf1db>. Accessed October 20, 2022.

Сулейманова Ольга Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет (г. Москва), SouleimanovaOA@mgpu.ru.

Никитина Вероника Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет (г. Москва), DemchenkoV@mgpu.ru.

Поступила в редакцию 14 февраля 2023 г.

DOI: 10.14529/ling230208

DYNAMICS OF NOMINATION PRINCIPLES IN MOSCOW METRO STATIONS IN LINGUA-CULTURAL PERSPECTIVE

O.A. Suleimanova, SouleimanovaOA@mgpu.ru

V.V. Nikitina, DemchenkoV@mgpu.ru

Moscow City University, Moscow, Russia Federation

The authors research into nomination principles of Moscow metro stations in the historical perspective revealing the socio-political background which influenced the initial nomination and re-nomination of the stations later on due to the change of historical conditions in Russia. The empirical database covers more than 260 Moscow metro station names. The authors analyze station names along different axes. In the case of Moscow, the development of the metro is referred to the periodization of the socio-economic national development. Combining these two systems makes it possible to distinguish nomination principles and build their hierarchy in each of the periods, with the special focus on the etymology of station names. Several thematic groups of names are revealed: station names following the geographical principle of nomination (naming after a village used to be located around the place, after a street (square, park, boulevard, etc.) or an institution around the station); names referring to historical figures (war heroes, politicians, writers, key social groups, etc.) or events, as well as names alluding to national values. Changes in metro station names make a special cluster as they reflect shifts in the country's political environments. In Moscow, the trend to commemorate the country's revolutionary past, in the long run, gave way to geographical nomination principles. New public transportation circles follow this principle.

Keywords: city semiotics, metro stations names, nomination principles, Moscow metro, discourse of power, hybrid codes, commemoration

References

1. Besedina E.A., Burkova T.V., Michurin A.N. Models of Events Interpretation in the Russian Memorial Plaques Texts of the XX – Beginning of the XXI Century (Interdisciplinary Analysis). *Issues of Cognitive Linguistics*, 2020, no. 2, pp. 77–85. (in Russ.) DOI: 10.20916/1812-3228-2020-2-77-85. Available at: <http://vcl.ralk.info/issues/2020/vypusk-2-2020/modeli-interpretatsii-sobytiy-v-tekstakh-rossiyskikh-memorialnykh-dosok-khkh-nachala-xxi-v-mezhdists.html> (accessed 16.11.2022).

2. Vishnevskaya I.M., Nersesova E.V., Zots I.V. [Interpretation and transmission of national features of the language in the conditions of contact of cultures]. *Philology: scientific research*, 2018, no. 3, pp. 146–155. (in Russ.) DOI: 10.7256/2454-0749.2018.3.27282. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27282 (accessed 20.10.2022).

3. Zots I.V. Moscow Urbanonyms from Translator's Viewpoint. *MCU Journal of philology. Theory of linguistics. Linguistic education*, 2017, no. 2 (26), pp. 121–126. (in Russ.) Available at: <https://vestnik-filologiya-lingvodidaktika.mgpu.ru/2021/09/02/moskovskie-urbanonimy-v-perevodcheskoj-perspektive/.pdf> (accessed 20.10.2022).
4. Kardanova K.S., Sonin A.G. [Media Text and Mediated Consolidation of Images of Public Consciousness (on the example of the image of ИМПЕРИЯ/EMPIRE)]. In: *Linguistic Existence of a Person and Ethnos: Psycholinguistic and Cognitive Aspects*. Moscow, 2006, pp. 111–118. (in Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatekst-i-oposredovannoe-zakreplenie-obrazov-obschestvennogo-soznaniya-na-primere-obrazo-imperiya-empire> (accessed 20.10.2022).
5. Pitina S.A., Urvantsev G.V. Urban onomasticon in fiction and cinema discourse. *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 1 (54), pp. 17–23. (in Russ.) DOI: 10.20916/1812-3228-2018-1-17-23
6. Razlivinskaya N.A., Tivyaeva I.V. Commemorative Practices in Urban Discourse Space: Historical-Political Projection. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2021, no. 4, pp. 104–113. (in Russ.) DOI: 10.29025/2079-6021-2021-4-104-113
7. Suleimanova O.A., Zots I.V. Problem Areas of Modern Urban Planning in Global Space: Romanization of Russian Urbanonyms. *Problems of Onomastics*, 2019, vol. 16, no. 4, pp. 134–150. (in Russ.) DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.4.049
8. Suleimanova O.A., Kardanova-Biryukova K.S. Contrastive Analysis of English and Russian “Peripheral” Syntactic Constructions in Translation Perspective. In: *Rusistika i Komparativistika*. Moscow, 2021, iss. XV, pp. 297–315. (in Russ.) DOI: 10.25688/2619-0656.2021.15.17
9. Tivyaeva I.V. Memory Narrative: A Cognitive-Communicative Perspective. In: *Rusistika i Komparativistika*. Moscow, 2020, iss. XIV, pp. 145–163. (in Russ.) DOI: 10.25688/2619-0656.2020.14.10
10. Tivyaeva I.V. Structural Organization of Memory Narrative. *Siberian journal of philology*, 2020, no. 1, pp. 303–315. (in Russ.) DOI: 10.17223/18137083/70/24
11. Azaryahu M. The Power of Commemorative Street Names. *Environment and Planning D: Society and Space*. 1996, vol. 14 (3), pp. 311–330. DOI: 10.1068/d140311
12. Cauchi-Santoro R. Mapping community identity: Safeguarding the memories of a city's downtown core. *City, Culture and Society*. 2016, vol. 7 (1), pp. 43–54. DOI: 10.1016/j.ccs. 2015.12.003
13. Drozdowski D., De Nardi S., Waterton E. Geographies of memory, place and identity: Intersections in remembering war and conflict. *Geography Compass*. 2016, vol. 10 (11), pp. 447–456. DOI: 10.1111/gec3.12296
14. Fraszczyk A., Weerawat W., Kirawanich P. Metro station naming strategies in selected megacities and lessons for new metro systems. *Transportation Research Procedia*. 2020, vol. 48, pp. 2608–2620. DOI: 10.1016/j.trpro.2020.08.250
15. Goodchild M. GIScience, geography, form, and process. *Annals of the Association of American Geographers*. 2004, vol. 94, pp. 709–714. DOI: 10.1111/j.1467-8306.2004.00424.x
16. Lewicka M. Place attachment, place identity, and place memory: Restoring the forgotten city past. *Journal of Environmental Psychology*. 2008, vol. 28 (3), pp. 209–231. DOI: 10. 1016/j.jenvp.2008.02.001
17. Massey D. *For Space*. London: Sage, 2005. DOI: 10.4135/9781473919907.n15
18. Monmonier M. *From Squaw Tit to Whorehouse Meadows: How Maps Name, Claim, and Inflamm*. Chicago: University of Chicago Press, 2006. DOI: 10.7208/chicago/ 9780226534640.001.0001
19. Myers G. Naming and Placing the Other: Power and the Urban Landscape in Zanzibar. *Tijdschrift Voor Economische en Sociale Geografie*. 1996, vol. 87, pp. 237–246. DOI: 10.1111 /j.1467-9663.1998.tb01553.X
20. Ringas D., Christopoulou E. Collective city memory: Field experience on the effect of urban computing on community. In: *C&T'13: Proceedings of the 6th International Conference on Communities and Technologies*. 2013, pp. 157–165. DOI: 10.1145/2482991.2482996
21. Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. Geographies of Toponymic Inscription: New Directions in Critical Place-Name Studies. *Progress in Human Geography*. 2009, vol. 34 (4), pp. 453–470. DOI: 10.1177/0309132509351042
22. Suleimanova O., Kholodova D. 3T in Linguistic Navigation Through Megapolis – Translation, Transcription, Transliteration. In: *Translata 2014*. Innsbruck: University of Innsbruck, 2014, pp. 217–222. Available at: <http://aux.uibk.ac.at/c61349/en> (accessed 20.10.2022).
23. Tivyaeva I. Memorial Plaques in Multimodal Urban Discourse: A Visual Narrative Reflecting Moscow's Glorious Past. *Visual Anthropology*. 2023:36(1). <https://doi.org/10.1080/ 08949468.2023.2168960>.

24. Whelan Y. Mapping Meanings in the Cultural Landscape. Senses of Place: Senses of Time. Eds. of Ashworth G., Graham B. Aldershot: Ashgate Publishing; 2005:61–71. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Mapping-Meanings-in-the-Cultural-Landscape-Whelan/5245536a678175af4a1fd157c88500de90ccf1db>. Accessed October 20, 2022.

Olga A. Suleimanova, Professor, Dr. habil. (Philology), Advanced Doctorate degree in Language Theory and Advanced Doctorate degree in the Russian Language, Department of Linguistics and Translation Studies, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, SouleimanovaOA@mgpu.ru.

Veronika V. Nikitina, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, DemchenkoV@mgpu.ru.

Received 14 February 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сулейманова, О.А. Динамика наименований станций столичного метро в лингвокультурной перспективе / О.А. Сулейманова, В.В. Никитина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2023. – Т. 20, № 2. – С. 51–61. DOI: 10.14529/ling230208

FOR CITATION

Suleimanova O.A., Nikitina V.V. Dynamics of nomination principles in Moscow metro stations in linguistic-cultural perspective. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2023, vol. 20, no. 2, pp. 51–61. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling230208
